

Проблемы бытия личности

Дмитрий Колесов

ЖИТЕЙСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОТА МУРРА (не во всем по Э.Т.А. Гофману)

Поведение
домашнего кота –
между пищевой
потребностью
и потребностью
в безопасности

Предположим, у вас есть дом в сельской местности, куда вы приезжаете на лето. А соседи держат кота, которого кормят только время от времени: считается, что кот может о себе позаботиться сам. И поэтому он чаще голоден, чем сыт.

Вскоре после того, как вы приехали в очередной раз, и кот об этом узнал, он начинает регулярно приходить к вам в дом – во время завтрака, обеда и ужина: время он запоминает довольно точно. Он быстро понял, что приходить сюда полезно: всегда можно чем-либо поживиться. Соседи рассказывают, что кот некоторое время продолжает наносить визиты и после того, как вы уехали: подходит к входной двери и подолгу ждет.

Итак, голодный кот сидит рядом с вами на лавке перед обеденным столом и провожает взглядом каждый кусок, который вы подносите ко рту. Или же сосредоточенно смотрит в тарелку, где лежит что-либо для него привлекательное: мясо, колбаса, ветчина. Собака в подобной ситуации обычно облизывается, кот же скорее сосредоточен.

Время от времени вы бросаете на пол кусочек, кот спрыгивает с лавки, съедает его и возвращается обратно. Если перерыв между этими вашими действиями затягивается, а кот все еще голоден, он может проявить нетерпение: продолжая пристально смотреть на тарелку, он кладет одну лапу на стол и оглядывается на вас: ему важно – как вы будете реагировать? Если реакции нет, он кладет на стол вторую лапу и опять делает небольшую паузу. Если и теперь вашей реакции нет, он привстает и склоняется к тарелке, делая паузу в последний раз. Если и после этого окрика не последует – вам интересно, что будет дальше – он хватается кусок с тарелки, моментально спрыгивает на пол и уносит пищу в сторону.

«Молчание –
знак согласия»

Очевидно, что кот структурирует свое действие, направленное на сближение с пищей. А переход от одного его этапа к другому он соотносит с наличием или отсутствием вашей реакции. Если ее не последует, он воспринимает это, как согласие с данным его действием, а после совершения следующего (поставить на край стола вторую лапу) он ждет вашей реакции вновь. И так, даже для кота – «молчание – знак согласия»! То, с чем именно это согласие, – подсказывается характером ситуации.

Запрет должен быть
своевременным,
а не запоздалым

Если же он с пищей уже полностью сблизился и готов ее схватить, ваш окрик способен только усилить его действия: он пищу хватает особенно алчно и спрыгивает со стола особенно быстро. Отсюда – еще один этического плана вывод: предупреждение-запрет должен быть своевременным, а не запоздалым. Если ваша негативная реакция на его действия будет постоянно запаздывать, она утратит свой запрещающий характер: кот просто перестанет на нее реагировать и начнет вести себя нагло.

Съев унесенное, кот возвращается на лавку и продолжает сидеть рядом с вами, явно готовый к повторению: сблизиться с пищей, схватить ее и унести. И как ни в чем ни бывало! Впрочем, как мы уже сказали, он имел основания ваше бездействие принять за согласие с его намерениями. Так что известный этический принцип – «молчание – знак согласия» имеет вполне очевидные нейропсихические основания и сформировался он в ходе эволюции, а затем и в ходе истории именно в подобном рода ситуациях!

Размер добычи
сказывается
на действиях

Когда в комнате никого нет, а в тарелке лежит привлекательное, кот без раздумий вскакивает на стол, хватая пищу и уносит ее. Любопытно: чем кусок больше, тем он уносится дальше. Причем это происходит и в случае, когда вы сами даете ему что-либо: небольшой кусочек он съедает там, где тот упал, будучи брошен вами. Если же вы дали действительно большой кусок, кот обязательно унесет его подальше. Отсюда вывод: *размеры добытого (полученного) по-разному сказываются на действиях животного.* И несложно выяснить, какой величины куски он будет есть там, где они ему достались, а начиная с какой – утаскивать в безопасное, по его представлениям, место.

Совершив очередную кражу – в ваше отсутствие, – кот явно не испытывает угрызений совести, каждый раз встречая вас, как ни в чем ни бывало. В этом его отличие от собаки, которая, если не выдержит соблазна и

утащит шоколадные конфеты – самое для нее привлекательное, – может проявить признаки смущения: забьется в угол и некоторое время не выходит оттуда, а выйдя, некоторое время имеет виноватый вид.

Смущенный вид собаки – хорошо известная черта ее облика. Но как выглядит провинившийся кот? Да никак! Разве что некоторое время он будет вас избегать – в случае, если было украдено что-то крупное. Но и здесь возникает сомнение: если кусок был велик, то, быть может, кот просто еще не успел проголодаться? И еще: когда кот голоден, он быстро реагирует на ваше «кис-кис» и подбегает. Когда же он сыт, он или делает это неохотно и как бы с особым достоинством, или же только повернет голову в вашу сторону и продолжит свое движение в том направлении, где его ждут более важные дела.

Чувство собственного достоинства производно от уровня сытости

Здесь напрашивается заслуживающий внимания этический вывод: *чувство собственного достоинства производно от уровня сытости*. И еще одно: когда насытившийся кот удаляется от вас, в его движениях просвечивает не только достоинство, но даже и некая вальяжность, которая полностью исчезает, когда он вновь голоден. Но разве подобное не происходит во взаимоотношениях людей: голодный чаще смотрит искаженно, а сытый – снисходительно?! И еще: когда вы окликаете насытившегося и удаляющегося с достоинством кота, а он не реагирует, или в лучшем случае повернет к вам голову, а потом продолжит свое движение, вам становится ясно: тратить на вас свое время в данный момент он никак не настроен – у него другая установка. И действительно: та единственная ситуация, которая вас объединяет (вы его кормите, а он ест), для него исчерпана полностью (он ведь сыт!). Так что какие еще между вами здесь могут быть отношения?

У коллективных животных совесть формируется раньше

Различия в поведении провинившихся кота и собаки позволяют сделать вывод о том, что *у собак возможны зачатки совести, тогда как у кошек, видимо, их нет*. И еще один вывод-предположение: у существ коллективных (собака – животное стайное) механизм совести начинает формироваться раньше, чем у животных-индивидуалистов (к числу которых относятся представители кошачьего племени). И, следовательно, воспитательная сила сообщества проявляется даже на таком эволюционном уровне.

Боязнь санкций структурирует побуждения

Почему в вашем присутствии и в ваше отсутствие поведение кота различно? Очевидно, что ваше присутствие – фактор торможения его действий, и это торможение основано на опасении санкций: цыкнуть или

столкнуться с лавки, или, взяв веник, вообще выгнать из комнаты. Но голод и вид привлекательной пищи побуждают кота к действиям, а ваше присутствие заставляет его действовать более «цивилизованно»: структурировать свое побуждение, вносить размеренность в свои действия. По ходу решения задачи – максимально приблизиться к объекту, чтобы овладеть им, схватив и унеся в сторону, – в описанной выше ситуации кот вместо того, чтобы сразу запрыгнуть на стол и схватить желаемое, осуществляет это в четыре этапа, с паузами, которые необходимы ему для восприятия вашей реакции и оценки возможности свои действия продолжить.

Здесь важно принять во внимание то, что содержание описанной ситуации кормления определяется сочетанием двух базисных потребностей – пищевой и безопасности. Когда фактора опасности в пределах конкретной ситуации нет, кот сразу же хватается пищу. В вашем же присутствии он делает это поэтапно, с оценкой результатов каждого этапа. И внести такую размеренность и даже, можно сказать, «взвешенность» в свои действия ему помогает именно процесс торможения, возникающий вследствие опасения санкций с вашей стороны.

Доминирующее побуждение и его торможение

Очевиден вывод: *доминирующего побуждения – овладеть пищей – ваше присутствие и связанное с ним торможение отменить не могут, но зато на характере действий кота они проявляются отчетливо.* Такое торможение не может «отменять» или подавлять потребностное возбуждение: иначе животное не смогло бы удовлетворять свою жизненную потребность – в пище. Но зато торможение позволяет ему более гибко вести себя в конкретной ситуации, достигать желаемого с учетом ее факторов и, следовательно, более безопасно.

Фактор опасности усложняет поведение

Несомненно, что если бы факторов опасности не существовало, поведение животных было бы намного более примитивным. При этом пищевая потребность имеет отчетливо циклический характер, а потребность в безопасности – тонический (следящий): сами по себе ее потребностные циклы не осуществляются, но в ответ на фактор опасности соответствующие ее характеру действия могут быть начаты животными в любой момент. *Независимо от того, сыто животное или голодно (что сильно влияет на его действия в отношении пищи), оно одинаково готово реагировать на факторы опасности.*

Зависимость эмоций от фактора безопасности

Что значит «овладеть» пищей? Это значит не только схватить, но и унести – на безопасное расстояние или

вообще в укромное место, где никто ее не отнимет. Чем схваченный кусок больше, тем больше энергии в этом проявит кот. А если кусок очень большой, да еще и особо привлекательный (допустим, сырая рыба), то переполняющие его эмоции проявятся еще и урчанием. Но только после того, как кот ощутит свою безопасность – в форме ослабления опасений, связанных с вашей возможной реакцией, характер которой ему известен на основании прошлого опыта.

Надо сказать, что это урчание – признак того, что кот считает себя полностью овладевшим пищей, – отличается от звуков, которые он издает в случае, если другой кот или собака попытаются к нему в этот момент приблизиться: здесь уже не самодовольное урчание, а некое подобие предупреждающего (угрожающего!) рычания.

Вообще домашние животные по-разному защищают пищу после того, как они ею овладели. К примеру, некоторые собаки не подпускают никого к своей миске, если она не пустая, даже того, кто эту пищу в нее положил, а другие против этого не возражают. Эти различия тоже можно трактовать в плане наличия или отсутствия у животного зачатков совести. Но и у людей встречается подобное, естественно, в более развитой и отчетливой форме и в более сложных ситуациях: *некоторые считают свою удачу – оправданием и главным критерием оценки допустимости своих действий!*

Теперь из сферы этологии перенесемся в сферу физиологии. Здесь мы обратимся к положению П.К. Анохина о роли в поведении животных трех потоков афферентации: установочной, обстановочной, санкционирующей. Очевидно, что установочная афферентация в нашем примере из жизни кота – это проявление пищевой потребности: окрашенное ощущением голода потребностное возбуждение. Обстановочная афферентация – это информация об условиях удовлетворения этой потребности. В данном случае это ваш дом, ваше очередное возвращение в него, время завтрака, обеда и ужина. Санкционирующая афферентация – это информация о вашем присутствии и характере вашей реакции на действия кота: соглашаетесь ли вы с ним, или его действие пресекаете: к примеру, сталкиваете его с лавки, когда он положил на стол и вторую лапу.

Очевидно, что санкционирующая афферентация как бы вычленяется из обстановочной – в данном случае как информация об опасности: ведь когда кот остается один в комнате и может беспрепятственно залезть на стол, обстановочная афферентация остается прежней.

Удача как
оправдание
действий

Роль в поведении
трех потоков
афферентации

Совость формирует-
ся на основе
санкционирующей
афферентации

Но фактор опасности – отсутствует. В данном случае санкционирующая афферентация имеет запретительно-ограничивающий характер, но в других случаях общения с животными она может иметь и разрешительный характер. К примеру, служебную собаку воспитывают так, чтобы без команды хозяина она пищу не трогала, – это делается для того, чтобы собаку-охранника не отравили злоумышленники.

Сразу же напрашивается вывод: *механизм совести формируется на основании механизмов санкционирующей афферентации* и совесть может иметь как запрещающий, так и побуждающий характер. Действительно, только ваше присутствие может заставить кота воздержаться от кражи. Но если бы у него была совесть, он не крал бы запретного и в ваше отсутствие. Однако этого механизма – внутреннего, тормозящего потребностное побуждение фактора санкционирующей афферентации – у него нет. Очевидно, что совесть способна удерживать обладающего ею индивида от плохих поступков и побуждать к хорошим. Но к интериоризации запретов кот неспособен, в отличие от ребенка.

Важно, что обстановочная афферентация имеет нейтральный характер: к примеру, если привлекающая кота пища лежит не на столе, а на полке, он сможет залезть и на нее, а если пища лежит в другом месте, и ко-ту это стало известно, он направится туда. Но где бы пища ни лежала, с точки зрения нашего запрета – это безразлично: это нейтральный (обстановочный) фактор. Вот если бы мы со стола брать пищу коту запрещали, а с полки не запрещали, тогда уже различия в положении пищи обрели бы для него значимость.

Таким образом, *установочная афферентация выражает самое течение жизни и характер жизненной задачи, обстановочная – наличие или отсутствие во внешней среде факторов жизнеобеспечения, а санкционирующая – условия взаимодействия существ в ходе удовлетворения ими своих потребностей.*

В содержание
личностного начала
входят представле-
ния о должном
и допустимом

В процессе воспитания ребенок, улавливая реакцию взрослого на свои действия, обретает способность самостоятельно затормаживать запрещаемые побуждения. О чем это говорит? О важном: в его психике формируется особый механизм: как бы вторая инстанция его индивидуальности – личностное начало, в содержание которого входит и становится неотъемлемой информация о должном и допустимом. Если же воспитание ребенка ущербно и механизм совести у него не развит, он может вести себя точно так же, как и кот: в вашем при-

сутствии от кражи он воздержится, но стоит вам «отвернуться», и он принадлежащее вам унесет. И обязательно – в безопасное место.

К сожалению, в любом сообществе немало индивидов, которые в плане совести не слишком-то отличаются от кота. Различие между ними в другом: человеку, даже самому бессовестному, нужно многое, и многое же привлекает его внимание. Коту, напротив, нужно немного, и влезая к вам на стол в ваше отсутствие, он унесет только пищу, но не унесет ни тарелок, ни серебряных ложек.

Природный здравый смысл заменяет обученность

Наш кот – обычный провинциальный кот: нигде не учился, нигде не бывал. Но природный здравый смысл вполне заменяет ему недостаточное владение основами наук. И наблюдая за его поведением, мы можем многое понять. Во-первых, он четко знает, что ему – в данный момент – нужно, а чего ему не нужно. Во-вторых, он имеет меру важности того, что ему нужно: отличает более важное от менее важного и ведет себя соответственно. В-третьих, он четко оценивает факторы ситуации и способен вести себя по-разному в зависимости от этого: при удовлетворении одной и той же потребности. И, конечно же, это его подлинное, а не наигранное или показное поведение: в нем четко проявляются черты «общешкольного» (по аналогии с «общечеловеческим», которое мы различаем в поведении самых различных индивидов человеческого рода).

Механизм приручения животных – сочетание базисных потребностей: пищевой и безопасности

И здесь мы подходим к прояснению очень важного момента: механизма приручения человеком домашних животных. Что в нем главное? Сочетание двух базисных потребностей: пищевой и безопасности. Причем мера опасности, исходящей для животного от приручающего его человека, не такова, чтобы подавить пищевое побуждение. Действительно, ведь вы – источник пищи для кота, и он хорошо знает, что вы обязательно ему что-либо дадите, когда он нанесет вам очередную визит. И вместе с тем он опасается некоторых ваших действий, которые находятся в сфере его потребности в безопасности. Если бы вы были для кота источником только опасности, он бы обходил вас дальней дорогой. А если бы вы были для него источником только пищи, он бы хозяйничал на вашем столе так, как ему заблагорассудится. Но именно *вследствие сочетания в одной и той же ситуации факторов сразу двух базисных потребностей кот вынужден вносить коррективы в свои действия*: не забираться внаглую на стол, а пытаться овладеть пищей в несколько

«Биологические мотивации»: не мотивация в психологическом понимании, а борьба побуждений

действий, соразмеряя каждое из них с характером вашей возможной реакции.

Возможность такого поведения кота, в основе которого дифференциация и структурирование побуждения, а затем и действий, порождается сочетанием базисного – пищевого – возбуждения и корректирующего торможения, которое неспособно подавить пищевое возбуждение, но способно воздействовать на ход его реализации. Это сочетание возбуждения и торможения не имеет характера взаимной нейтрализации: от того, что вы на кота накричите, степень его голода не снизится, но зато действия его будут более соразмерными вашему поведению.

В физиологии общепринятым является термин «биологические мотивации». С психологической точки зрения то, что ими называют, – это различные побуждения. И, следовательно, это *не мотивация, а борьба побуждений*. Вспомним ситуацию: мимо вас пробегает незнакомая собака. Она кажется вам худой и несчастной, и вы решаете ее покормить. Вы берете кусок хлеба и ее подзываете. Если она голодна и вместе с тем вас не знает, а следовательно, не может оценить меру исходящей от вас опасности, вы можете наблюдать в поведении собаки отчетливые признаки борьбы побуждений: подойти поближе и взять хлеб, или же убежать. Собака останавливается, внимательно смотрит на вас, немного подходит, вздрагивая в ответ на любое ваше произвольное движение, затем подходит еще ближе, вдруг отбегает, затем подходит вновь, внимательно наблюдая за вами, наконец, хватая хлеб и стремительно убегает.

Очевидно, что поведение животного определяется именно борьбой побуждений: одно из них выражает пищевую потребность – подойти поближе и овладеть пищей, другое – потребность в безопасности (самосохранении): быть от вас на безопасном расстоянии. Мера его собаке известна на основании прошлого опыта: редко какая из них будет убегать от вас на расстояние более 15–20 метров. Действительно, это расстояние, на котором вы ничего плохого ей сделать не можете. Если же опыт подсказывает животному, что вы способны негативно воздействовать и на большем расстоянии, то оно будет вести себя соответственно. К примеру, городские вороны спокойно ведут себя на расстоянии 20–30 метров от проходящих мимо людей, а знакомые с ружьем – сразу же при виде человека с ружьем улетают.

Взаимодействие
базисных потреб-
ностей побуждения

Трудно сказать, когда именно в ходе эволюции потребностный цикл обогатился механизмом мотивации. Но очевидно, что механизм побуждения – к действиям, направленным на удовлетворение потребности, и его торможение (т.е. все то, что связано с санкционирующей афферентацией), сформировался раньше. Действительно, чтобы вести себя так, как мы только что описали, собаке нет необходимости объяснять себе, почему ей надо вести себя с незнакомым человеком именно так, а не иначе: представляющие базисные потребности побуждения взаимодействуют автоматически. Мотивация же, или в данном случае правильнее было бы сказать предмотивация, формируется на основании накопления в памяти животного образов различных жизненных ситуаций, причем, что важно, при наличии возможности действовать по-разному: с учетом именно особенностей (факторов) ситуации.

Съев хлеб и оценив наличие или отсутствие в вашем поведении угрозы, в следующий раз собака подойдет к вам поближе и возьмет хлеб смелее, а постепенно может совсем осмелеть и не опасаться находиться с вами рядом. Почему? Потому, что пищевое побуждение полностью сохраняет свою силу, а побуждение, выражающее потребность в самосохранении, угаснет, поскольку собака способна оценить отсутствие в ваших действиях опасности.

Пищевая
потребность –
внутренняя,
внеситуативная

Здесь как раз и выявляется принципиальное значение сочетания именно этих двух базисных потребностей. Потребность в пище не зависит от окружающей обстановки: пищевое возбуждение возникает вследствие истощения ресурсов жизнедеятельности организма вследствие непрерывного хода обмена веществ, и голод напоминает животному, что эти ресурсы необходимо восполнить. По сути дела, голод – это напоминание живому существу о возможности его смерти – в случае, если данная потребность не будет удовлетворена в течение определенного времени, за которое в ходе обмена веществ «сгорят» и некоторые элементы структуры организма: именно это и происходит при истощении.

Потребность в
безопасности –
внешняя,
ситуативная

Если активация потребностного цикла пищевой потребности происходит вследствие внутренних, внеситуационных факторов, то активация потребностного цикла потребности в самосохранении происходит под влиянием информации, исходящей из окружающей среды. И именно учет значимых факторов среды позволяет животному удовлетворять свою внеситуативную потребность в различных условиях. Так в поведе-

	нии живого существа появляется регуляторный фактор, позволяющий ему «вписывать» свои действия в ситуационный контекст, использовать черты конкретной жизненной ситуации для варьирования, дифференцирования и обогащения способов своего поведения. И как только мы имеем основание говорить о различных способах действия, так мы должны говорить и о зачатках мотивации.
Эволюция потребностного цикла	На основании сказанного выше можно сделать два вывода о развитии в ходе эволюции потребностного цикла. Первый вывод: мотивация и целеполагание формируются первоначально, как единый механизм регуляции действий, и лишь постепенно дифференцируются на собственно мотивацию и целеполагание, причем зачатки есть и в содержании побуждения. Их «продукт» – мотив и цель – мы различаем главным образом по их информационному наполнению.
Мотив и цель	<i>Мотивом мы объясняем себе, что именно нам надо сделать</i> в плане удовлетворения какой-либо из наших потребностей (Почему? Зачем?), а <i>целью – как именно это сделать</i> (Каким путем? С учетом каких возможных препятствий?).
Воля и нравственность	Второй вывод: относительно воли и нравственности. Первоначально они, по-видимому, тоже формируются, как единый механизм: нравственное начало отвечает за содержательную сторону, а волевое – за энергетическую. Действительно, восприняв наш запрет, кот воздерживается от того, чтобы сразу же запрыгнуть на стол и схватить мясо. Здесь проявляет свою силу тормозящий механизм – прообраз воли, а его активация и интенсивность проявлений зависят от характера исходящих от нас запретов на неприемлемые для нас действия животного. Очевидно, что именно информация «нравственного» плана (в данном случае – «нельзя») и стоящая за этим запретом угроза безопасности животного позволяют активироваться механизму торможения неприемлемых для нас действий кота. Но в памяти кота они не хранятся (в форме эталонов нравственности, как у человека), а ситуационно воспринимаются котом извне. Следовательно, именно механизм нравственности (в основании которого информация о том, что «нельзя») ориентирует механизм торможения действий, характер которых как раз и соответствует слову «нельзя». Механизм нравственности не обладает особым энергетическим ресурсом и может влиять лишь на течение информационных процессов в ходе потребностного цикла (например, влияя на формирование у чело-

века доминирующего мотива), механизм же воли обладает таким ресурсом, и именно энергия воли проявляет себя торможением базисного побуждения: в нашем примере – побуждения кота схватить пищу как можно скорее.

Сравним временные параметры его действий в нашем присутствии и в наше отсутствие: сразу же вспрыгнуть на стол, схватить пищу, спрыгнуть обратно и убежать, или же – положить на стол одну лапу и сделать паузу, положить вторую и сделать паузу, привстать над столом и сделать паузу, и только после этого схватить пищу и убежать. *Различие во времени, в течение которого кот осуществляет первый и второй варианты действий, здесь будет характеризовать именно силу исходящего из механизма «воли» дифференцировочного торможения.*

Нравственность
и воля как единый
механизм

Таким образом, нравственность и воля функционируют, как единый механизм, где нравственное начало репрезентирует содержательную его часть, а волевое – энергетическую (силовую). Если между ними нет должной связи, или механизм воли слаб, то индивид, даже хорошо зная, что «это» – нельзя, все равно поступает вопреки: не хватает силы волевого торможения. И еще: нравственное начало формируется именно от запрета, а сила последнего проистекает из энергии потребности в самосохранении (безопасности) – вследствие стоящей за запретом угрозы санкций.

Потребность
в продолжении
рода и «альтруизм»

Вместе с тем известно, что нравственность может ориентировать волю не только на ограничение тех или иных действий, но также и на их стимуляцию. Здесь свой механизм, в основании которого другая базисная потребность – в продолжении рода. Действительно, в чем суть родительского инстинкта? В совершении блага для других существ: собственного потомства. Но сам этот вектор – благо для другого, а не только для себя – способен стимулировать различные действия, объединяемые понятием «альтруизм». Помощь попавшим в беду сородичам, совместная защита гнездовий у птиц, прием на воспитание собакой котят... Все это – проявления «нравственного» и волевого начал, исходящие из родительского инстинкта.

Взаимодействие потребности в продолжении рода с потребностью в безопасности сходно с взаимодействием последней с пищевой потребностью, но результатом оказывается не торможение, а стимуляция тех или иных действий. И в период, когда потребность в продолжении рода доминирует, она способна подавлять побуждения,

Альтруизм
в торможении
агрессии

связанные с безопасностью. К примеру, поведение птицы, уводящей хищника от гнезда с птенцами, когда мать явно рискует жизнью и с точки зрения ее собственной безопасности «разумнее» было бы сразу улететь подальше. А сколько раз за световой день птица приносит своим прожорливым птенцам пищу? Это в полной мере самоотверженный труд. Труд для других существ!

Что касается альтруистических качеств нашего кота, то они имеют односторонний характер. Вряд ли он специально принесет знакомому котенку пищу, но следует обратить внимание на такую особенность его поведения, когда кроме него в комнате находится другой кот – молодой, еще почти котенок. Нам неизвестно, является ли он потомком нашего кота, но когда мы кидаем на пол кусочек пищи, и молодой кот стремительно к ней бросается, наш кот смотрит на него с лавки, но не спрыгивает и не пытается отнять ее. Когда же он ест, а младший к нему подбегает, то небольшой кусок кот или быстро съедает сам, или даже отходит в сторону, уступая его младшему. И только если ему дать что-то очень уж значимое, угрожающим ворчанием предупреждает: не подходи! Следовательно, альтруистические проявления нашего кота связаны и в этом случае – именно с торможением: он воздерживается от проявлений агрессии и тем косвенно содействует благу младшего, но способностью активно позаботиться о нем он не обладает.

Способность
к дифференцирова-
нию побуждения

Надо сказать, что способность к дифференцированию побуждения заложена в природе кошачьих. К примеру, леопард во время охоты совершает такую последовательность действий: высматривает добычу, подкрадывается к ней, сосредотачивается перед решающим броском и, наконец, совершает его. Здесь наиболее интересен этап сосредоточения психических и физических сил: ведь последующий бросок – это как бы взрыв энергии и вспышка ярости, которая придает охотнику дополнительные силы. Необходимость такой фазы в ходе действия обуславливается различием задач при сближении с объектом охоты (подкрадывание) и при силовом контакте с ним.

Очевидно: подкрадываться надо тихо, осторожно, размеренно, замирая в любой момент – чтобы не спугнуть объект вожделений. А смертельный бросок требует совсем иного: предельной отдачи сил при отсутствии необходимости скрывать свои эмоции и размерять затрату усилий. Поэтому-то у всех животных из этого семейства перед решающим броском происходит такое психическое и физическое сосредоточение. Так что опи-

санное выше поведение нашего кота не должно удивлять: он тоже охотится, но соразмеряя свои действия с нашей возможной реакцией, поскольку пища сопротивления ему оказать не может. Главной для него становится задача соразмерять свои действия с учетом фактора присутствия человека, так что здесь – вариант его охотничьих действий.

В момент сосредоточения физических и психических сил перед решающим броском у зверя можно наблюдать некоторые проявления нарастающего возбуждения, которые хорошо известны, к примеру, дрессировщикам. И поэтому дрессировка львов, тигров, пантер оказывается менее опасным делом, чем дрессировка медведей, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Но вся беда в том, что в охотничьем поведении медведя нет затаивания: он действует напролом, и поэтому нападает без предупреждения: сам его вид является таким предупреждением. Так что обычный его облик, который мы с детства считаем признаком добродушия, на самом деле говорит об ином, и это надо понимать. А крупные кошачьи кажутся нам более опасными, видимо, по причине их экзотичности в сравнении с привычным нам видом «хозяина» наших лесов. Кстати, крупный медведь вполне способен выиграть смертельную схватку с тигром: такое порою случается в Уссурийском крае, хотя местные тигры и относятся к числу наиболее крупных и сильных.

Первый шаг к цивилизованности: способность попросить

Еще раз обратившись к поведению нашего кота перед тем, как он овладеет пищей, отметим важный момент поведения, связанный с фактом одомашнивания: *способность пищу просить. Возможно, что это – одно из наиболее существенных различий в поведении домашних и диких животных.* Вряд ли лев или тигр будут просить пищу у дрессировщика: они лишь становятся агрессивнее и возбужденнее, и дрессировщик знает: кормить их надо вовремя, во избежание дополнительной опасности при общении с ними. Голодный же кот своим мяуканьем привлекает к себе ваше внимание, и если пищи на столе нет, ведет вас за собой к холодильнику: ему известно, что пища появляется именно из него. Но ему никогда не понять, что туда ее надо предварительно положить, так что холодильник для него оказывается прямо-таки волшебным местом. Как он вас ведет к нему? Подходит к вам, мяукая, трется о вашу ногу, идет в направлении холодильника, потом опять подходит к вам, если вы еще не сдвинулись с места... В общем, вам становится ясно, что нужно сделать: открыть дверцу и достать колбасу.

Запрет – основание нравственной саморегуляции поведения

Небольшой нюанс: кот долго просил вас, а вы не отреагировали. И тут вы неожиданно замечаете: что-то его не слышно. Неужели коту мяукать надоело? Нет, это признак того, что он, так и не дождавшись ваших столь необходимых ему действий, полез сам: к примеру, на полку, где тоже может оказаться пища. Много лет назад у нас был кот, который просил есть буквально истошным криком – то ли по причине трудного послевоенного времени, то ли в связи с особенностями темперамента. И вот, как только это громкое мяукание неожиданно прекращалось, сразу становилось ясным: он полез за пищей сам! Если бы санкции не были бы реальными, наш кот вел бы себя точно так же, как вел себя один из его предков в басне И.А. Крылова «Кот и повар»: «а Васька слушает, да ест!». Кот не обращал бы на нас никакого внимания, а войдя в помещение, сразу залезал бы на стол и брал то, что ему больше понравилось. Следовательно, *именно запрет является основанием нравственной саморегуляции поведения, а в основании запрета – опасение санкций*. Если их нет, то и запрет теряет силу, и существо не усваивает что такое «нельзя».

Значение интериоризации запрета

Конечно, важнейшим моментом здесь является интериоризация запрета, на что, как мы уже говорили, способен ребенок, но неспособен кот. И поэтому хорошо воспитанный человек не позволит себе противоправных действий, даже если рядом нет представителей правоохранительных органов. Кот же ведет себя относительно «нравственно» (не сразу внаглую бросается к пище и хватает ее) только в нашем присутствии. Ясно, что интериоризация запрета в его центральной нервной системе не происходит: в наше отсутствие он все равно заберется на стол. Что же касается механизмов запрета, то он всегда связан именно с торможением. Но источником этого торможения может быть или внешний фактор – опасение санкций, или внутренний – совесть. Впрочем, своего кота мы любим, даже понимая, что совести у него нет. Однако подлинная любовь тем и отличается от всякой прочей, что она возникает и проявляется вопреки недостаткам ее объекта. И мы своего кота, если он совершил нечто совсем запретное, можем, взяв веши, выгнать на улицу. Но когда он через некоторое время с совершенно невинным видом придет к нам вновь, мы, тем не менее, обязательно что-нибудь ему дадим!

Надо сказать, что к полноценной интериоризации запрета способны собаки – в случае хорошей дрессировки, тогда запрет у них может действовать и в отсутствие хозяина. К примеру, даже будучи голодной, собака ока-

Побуждение
первичное
мотивации
и целеполагания

зывается способной не брать пищу из рук чужого человека, или вообще – не у хозяина. Очевидно, что в ее психике действует эффективный механизм торможения, и хотя и неосознанно, она сама себе как бы не разрешает брать привлекательное.

Побуждение имеет сложный механизм, который способен усложняться и развиваться в ходе эволюции, и он возникает раньше, чем механизмы мотивации и целеполагания: борьба побуждений отчетливо проявляется в поведении животных, у которых вряд ли могут быть какие-либо мотивы. И мы еще раз подчеркнем, что «биологические мотивации» – это не мотивации в психологическом ее понимании, с участием и сознания, и мышления, и личностного начала, а борьба побуждений.

Энергетический
и информационный
компоненты
совести

Развивающийся в ходе эволюции механизм санкционирующей афферентации по-разному функционирует не только у животных различного эволюционного уровня, но и у различных представителей человеческого рода: но здесь – вследствие различий в уровне (развития) их нравственности (совести). Как и вообще в структуре потребностного цикла, полезно различать энергетический компонент совести (сила сдерживания неприемлемых побуждений) и информационный: точное знание того, что можно, а чего нельзя. Очевидна методическая польза такого различения.

Действительно, один человек не возьмет чужого никогда, как бы оно ему ни было нужно (здесь хорошо функционируют оба механизма совести – и содержательный, и энергетический). Другой, даже хорошо зная, что «это» – нельзя, не сможет удержаться от таких действий: информационный компонент совести у него развит достаточно, но энергетический – слабо. Бывает и наоборот: энергетический компонент совести сильный, а информационный – слабый: индивид, просто не знает, что «это» – нельзя, и в следующий раз вполне будет способен воздержаться от запрещаемых действий. Правда, только от них, а о каких-либо иных запрещаемых действиях опять может оказаться неинформированным. Следовательно, безнравственность может быть двух уровней: безнравственность содержания (не усвоен характер запретов) и безнравственность слабоволия, поскольку энергию для реализации предусматриваемых характером нравственности запретов дает именно воля.

Энергий желаний
и воли

Очевидно, что *желание несет в себе энергию своей собственной потребности, а воля – энергию, заимство-*

ванную ею у какой-либо потребности: для того, чтобы использовать ее в сфере другой потребности, как это и есть в нашем примере. Энергия опасения (наших санкций, соотносимых с потребностью кота в самосохранении) оказывает тормозящее – дифференцирующее воздействие на характер его действий, связанных с удовлетворением пищевой потребности. И у человека – то же самое: мы себя сдерживаем в каких-либо наших побуждениях и действиях вовсе не для того, чтобы их затормозить безотносительно к чему-либо, а именно ради чего-то другого.

Простой пример: человек преодолевает (затормаживает) подстегиваемое страхом побуждение убежать из опасного места. Но если его действия в этом месте необходимы его потомству, его близким, наконец, в наиболее широком понимании, его Родине, то именно воля затормозит его стремление покинуть опасное место. Кстати, даже птица, отвлекающая лисицу от гнезда с птенцами, проявляет не только смекалку, но и волю (или точнее, два волевых качества – выдержку и смелость). Если ее смекалка (впрочем, выработавшаяся эволюционно и носящая рефлекторный характер) проявляется в том, что она начинает жалобно пищать и изображает из себя легкую добычу для хищника (дескать, крыло сломано, и улететь я не могу!), то в случае, если лиса не сразу клюнет на эту приманку, птица возвращается обратно, ближе к лисе, и разыгрывает ту же сцену. И именно *возвращение в опасное место – это проявление волевого механизма, энергию которому – для преодоления страха перед лисой – дает потребность в продолжении рода* (родительский инстинкт).

Воздержание
от запрещаемого
и иерархия
потребностей

Воздерживаясь от запрещаемого (а это – всегда действия, пусть даже речевые), индивид продолжает желать (хотеть) того, к чему могли бы привести эти действия. Следовательно, воспитание в духе нравственности предполагает не только формирование совокупности запретов, но и формирование иерархии потребностей – чтобы не возникали неприемлемые желания. Здесь важны также нравственные представления, которые играют роль ориентира воли, и развитие самого волевого механизма: чтобы он был способен проявлять свою силу в сфере всех потребностей, а не только в какой-либо одной.

К примеру, есть волевые, мужественные, смелые индивиды, проявляющие отвагу и храбрость в конкретно-наглядной ситуации противодействия врагу. Но в повседневной жизни, в том числе в сфере межполовых

отношений, они могут вести себя не вполне нравственно, в частности потребительски относясь к другому полу. Почему? Потому, что в сфере общественных отношений у них сформировались нравственные убеждения и волевой механизм полностью им подчинен, обладая к тому же в сфере потребности в самосохранении достаточной силой. Но в сфере межполовых отношений их представления не соответствуют требованиям нравственности, или, быть может, волевое торможение на эту сферу действий у них не распространяется, в том числе и по причине сформировавшихся устойчивых поведенческих стереотипов.

Филистерские
воззрения
Кота Мурра

А что же знаменитый тезка нашего кота – гофмановский Кот Мурр? Несомненно, это был высокоученый кот, хорошо владеющий пером и склонный к философским размышлениям, плодами которых он охотно делился с благодарными читателями. О поэтических достоинствах литературного стиля Кота Мурра можно судить хотя бы по такому отрывку из его Предисловия к своим «Житейским воззрениям»: «Робко – с трепетом в груди – передаю я свету кое-какие страницы моей жизни, страницы моих страданий, моих упований, моей тоски, которые в сладостные праздные часы, в часы поэтических вдохновений, вылились из недр души моей. Устою ли я, смогу ли устоять перед строгим судом критики? Но ведь именно для вас, о чувствительные души, для ваших по-детски чистых сердец, для вас, родственных мне прямодушных и верных натур писал я эти строки, и одна-единственная чудная слеза, пролившаяся из ваших очей, утешит меня, исцелит мои раны, нанесенные мне холодными порицаниями, ледяными укорами бесчувственных рецензентов!»

Надо сказать, что в этих строках Кот Мурр проявил себя подлинным романтиком: здесь и эмоциональная напряженность текста, вплоть до экзальтации, и обращение к чувствам читателей, и слова о душевных ранах, причиняемых автору «Житейских воззрений» «бесчувственными рецензентами». Действительно, и сам Эрнст Теодор Амадей Гофман, и многие литературные критики считали воззрения Кота Мурра «филистерскими». А кто такой филистер? Это самодовольный мещанин, невежественный обыватель, порою склонный к ханжеству. Насколько это справедливо по отношению к Коту Мурру?

Прагматизм чужд
идеям романтизма

Дело в том, что начало XIX века было периодом, когда на смену идеям классицизма (напомним: единство места и времени действия в драматургии, доминирование культа героев и принципа центрации в общест-

венной жизни) пришел романтизм, с его не только повышенной чувствительностью и эмоциональной напряженностью, но и со стремлением романтически настроенных индивидов к перемещению, к покиданию насиженного места – вплоть до отрицания роли такого места в своей жизни. А затем в обществе возникли и все более начали проявляться прагматические тенденции.

С точки зрения романтизма, индивид, спокойно пребывающий на своем определенном месте, не рвущийся в неведомые дали, относящийся к окружающему рассудительно (и мы бы сказали, технологично), думающий прежде всего о непрерывности жизни, есть индивид как бы второго сорта. Но есть здесь одна существенная тонкость: *человек, в поте лица добывающий хлеб свой насущный, идеям романтизма чужд*. И общественную категорию романтиков всегда составляли индивиды, располагающие средствами к существованию, не связанные с повседневным трудом. Действительно, забыть о делах и унести мыслями вдаль, или же физически отправиться куда-то, часто неизвестно куда, это не очень-то жизненно. И существовать подобные индивиды могли только за счет того, что большинство вокруг них – индивиды, думающие и заботящиеся прежде всего о повседневном.

«Если бы не было простых людей, с их добродетелями, то герои умерли бы с голоду»

Известно, что поручение, даваемое герою сказки: «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что», народной мудростью расценивается, как злонамеренное: с целью повредить герою, или даже погубить его. Романтик же способен отправиться «неизвестно куда», а также «искать неизвестно что» по своей воле! И в этом – сам дух романтизма! В связи с этим напомним высказывание, относящееся к периоду эпохи Возрождения: «Если бы не было простых людей, с их добродетелями, то герои умерли бы с голоду!» Так вот и романтики: если бы вокруг них не было людей более прагматического склада...

Осуждение прагматизма романтиками

Как известно, Э.Т.А. Гофман был великим романтиком, но никак не прагматиком. Кот Мурр же – несомненный прагматик, как и наш кот, о поведении которого мы рассказали. Именно за его прагматизм некоторые критики и называют Кота Мурра «филистером». Однако из процитированного выше текста очевидно, что в нем жило и романтическое начало, но он умел его в себе преодолевать. Вот два его суждения: «Неужели же прямохождение на двух ногах является чем-то настолько величественным, что некий род, именующий себя человеческим, вправе присвоить себе господство над нами

всеми, разгуливающими на четвереньках, но зато с куда более развитым чувством равновесия?», «Разум – это всего лишь способность действовать обдуманно и сознательно, не вытворяя глупостей, – ну да что там, – ведь по части благоразумия и осмотрительности я ни одному человеку решительно не уступлю!»

Осуждение
прагматизма
честолюбцами
и политиками

Надо сказать, что тенденция осуждать благоразумие и осмотрительность свойственна не только романтикам, но и честолюбивым и вполне прагматичным политикам, которые давно поняли, что если граждане будут благоразумными и осмотрительными, то вряд ли пойдут за ними – по сути дела тоже неизвестно куда. Правда, это «неизвестно куда» они постарались сделать привлекательным, называя его то «светлым будущим», то «всеобщим счастьем», то «обществом справедливости», то тем и другим, и третьим сразу! Отсюда и родственная романтизму тенденция политиков осуждать «обывательщину» и «мещанство». Но если романтики делали это именно из романтических побуждений, то политики – из прагматических. Действительно, благоразумием является способность индивида верить себе больше, чем другим (а зачем это политикам?!), и верить тому, что он видит сам, больше, чем тому, о чем он слышит от других. Вот этим-то другим его благоразумие и осмотрительность прямо-таки «чужды»!

Материальные
затруднения не
дают оторваться
от повседневной
жизни

Кстати, тот факт, что великий романтик Э.Т.А. Гофман взялся представить читателям весьма прагматические воззрения Кота Мура, можно объяснить тем, что материальные затруднения не давали ему совсем уж отрываться от повседневной жизни. К примеру, такие выдержки из его дневника (июнь, 1813): «Отрицательный ответ Гертеля по поводу денег». Тремя днями позже: «Величайшая нужда. – Гнусное настроение...» На следующий день: «...Продолжающаяся грубость Секонды – не надо это принимать близко к сердцу. – Получил от него немного денег». Еще днем спустя: «Безденежье».

Романтики – люди
эмоций, а не
усилий

Романтики – это индивиды мечтательного склада, мысленно непоседливые, готовые в воображении перемещаться на значительные расстояния и при этом в поле внимания постоянно держать свои чувствования. Если авантюриста тянет за пределы наличной ситуации мысль о приключениях, то для романтика неприемлема сама по себе обыденность как таковая, без мыслей о приключениях, по крайней мере – конкретных. Интенсивное «чувство приключения» – это удел авантюрного

Приключения
романтика –
источник новых
впечатлений

индивида, а «туманная даль» и «нечто» – удел романтика. И при этом – побольше эмоций (но не усилий!).

Приключение романтика – это таинственная встреча, неожиданное знакомство, значимые для него в качестве источника новых впечатлений. Порою ради этого романтик и отправляется куда-то «вдаль», тогда как прагматик, если куда-либо отправится, то только по делу. А новые знакомства его интересуют, прежде всего, как деловые связи. И переживает прагматик только нечто конкретно-ощутимое, доступное оценке, и в связи с характером этой оценки. Романтик же может переживать неведомое–неизвестное – такое, что даже и оценить нет возможности. Так что в определенной мере романтическое отношение к жизни родственно явлениям дереализации. И не случайно, что реалистическое направление в художественной литературе пришло на смену романтизму.

Утверждения
общечеловеческих
принципов
в противовес
сословных

Сдвиги в общественных настроениях, связанные с различным соотношением в сообществе индивидов с различным отношением к жизни, а также с изменениями этого отношения на различных этапах их жизненного пути, нашли отражение в творчестве, в первую очередь – литературном. К примеру, И.В. Гете был свидетелем таких сдвигов и ярко отразил их. Действительно, «Страдания молодого Вертера» (1774) предшествовали появлению к началу XIX века сентиментализма, с его тенденцией ставить чувства выше разума, утверждением значимости «естественных чувств» и признанием того, что «и простолюдины чувствовать умеют». Последнее, кстати, можно расценить, как один из начальных этапов утверждения в общественном сознании принципа «общечеловеческого», в противовес сословному.

На следующем этапе своего жизненного пути И.В. Гете отдал дань романтизму: «Годы странствий Вильгельма Майстера» (1829) – название, характерное именно для романтизма – более зрелого литературного течения той же направленности. Но к этому же периоду Гете все больше убеждается и в том, что «смысл жизни – в деянии» (а не только в «чувствованиях»). И здесь – несомненная тенденция прагматизма, которая прослеживается и у Гофмана, в последнем его романе.

Надо сказать, что писатель был хорошо знаком с автором «Житейских воззрений». Вот что он отмечал в одном из своих писем: «Я рекомендую вам высокоумного и глубокомысленного Кота Мурра, который в это самое мгновение расположился рядом со мной на маленьком мягком стульчике и, по-видимому, предается экстраординарнейшим размышлениям и фантазиям, ибо он мно-

Роль прагматизма
и романтизма
в историческом
развитии
человечества

гозначительно мурлычет. Это кот дивной красоты и еще большего ума, которого я воспитал, он-то и дал мне повод к той забавной мистификации, которой пронизана эта, собственно говоря, серьезная весьма книга».

Если обратиться к проблеме выживания сообщества, особенно на ранних этапах исторического развития, то несомненно, что *прагматизм – наиболее существенный фактор его стабильности и жизнеспособности, а романтическое отношение к жизни – фактор его развития и эмоционального обогащения общественных отношений*, способствующий формированию в психике индивидов личностного начала. И не случайно, что сочетание романтизма (проблема души) и прагматизма (физиологические исследования центральной нервной системы) положило начало психологии как самостоятельной науки, отличающейся своим предметом и от философии, и от физиологии (датируется 1870–1880). И поэтому художественная литература представляет большой интерес для психологии.

Многие психические закономерности удается вскрыть, анализируя тексты из художественной литературы. Кстати, Э.Т.А. Гофман немало интересовался вопросами психологии, которая поначалу предстала перед обществом на уровне «месмеризма» – учения о «животном магнетизме», затем учения о гипнозе, а затем и спиритизма. Так или иначе, диалектическая спираль развития обязательно и неоднократно приводит общество к тому, что когда-то уже было, но каждый раз – на все более высоком уровне.

Подлинная задача
чувствований

Что же касается нашего уважаемого кота, а также высокочтимого Кота Мурра, то они не могут позволить себе не быть прагматиками – такова жизнь, если брать ее в самой основе, да так, чтобы мышление и чувствования прежде всего позволяли делать ее благополучной. И подлинная *задача чувствований – не отрывать индивида от повседневности, а делать ее содержательнее, глубже, интереснее.*